

НАШ СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

Владимир ЧЕСТНОКОВ,
народный артист СССР

«...Новые поколения строителей коммунизма свято берегут революционные традиции и делают все для того, чтобы осуществить великие идеалы марксизма-ленинизма...»

(Из Тезисов ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции)

НАВЕРНОЕ, многие люди моего поколения в эти дни перед 50-летием Октября думают о прожитых годах, ибо это были для нас годы творческого становления, идейного возмужания, годы работы, без которой все мы, независимо от профессии, не мыслили свое бытие.

Мой актерский путь исчисляется четырьмя десятилетиями. Я был свидетелем революции и гражданской войны. И, может быть, потому мне легко и радостно было играть в советских пьесах, что я всегда шел к своему герою от людей, близких мне и хорошо знакомых.

Всю свою актерскую жизнь я старался приблизиться к осмыслению и постижению нового советского характера. И роли, сыгранные мною, нередко давали мне глубокое удовлетворение как актеру, которому выпало на долю играть своего единомышленника и друга.

Играл я Бориса Волгина в пьесе А. Афиногенова «Чудак», и мне близок был этот молодой человек — своим неприятием канцелярщины, своим желанием «видеть горизонт», своим энтузиазмом.

Жизнь 30-х годов кишела такими энтузиастами, о них страстно говорил репродуктор, о них писали в газетах, с ними, усталыми и торопливо бросающимися реплики, я встречался в трамваях и на улицах.

Слова Волгина: «Наши отцы мечтали через 200 лет увидеть небо в алмазах, а мы через две-три пятiletки преобразим нашу землю лучше всякого алмазного неба», — их девиз.

В годы войны мне пришлось жить в Ленинграде, окруженном кольцом блокады. Много раз описаны уже эти страшные голодные дни. Люди пожились на снег, бессильные двинуться дальше; много раз писали, как город погружался во тьму и казался вымершим. Мне самому пришлось пережить все это.

Во время войны я работал в театре Балтфлота. В эти годы старался воплотить главное, что мне удавалось увидеть, понять в своих соотечественниках. Он заметно вырос и изменился, мой земляк и друг, за предвоенные годы. Он стал культурней и требовательней к себе и людям, духовно многокрасочней.

Таким мне виделся и Сафонов в пьесе К. Симонова «Русские люди», который вел неравный бой с открытыми глазами. Не хватало боеприпасов, даже стакан воды оказывался драгоценностью, но простой советский человек выстоял, он одержал верх в этом бою, и хотя до окончательной победы было далеко, но зрители видели, что такие люди, как Сафонов, не могут в конце концов не победить. Мне было радостно участвовать в пьесе А. Корнейчука «Фронт». Я играл Огнева, молодого генерала, страстно выступающего против отсталости в военном деле, против самодовольства и успокоенности.

Военные будни наложили отпечаток на весь облик советского человека; только смелости и самоотверженности, которыми мог обойтись «рядовой солдат революции», уже не хватало. Понятия о долге и чести теперь становятся центральными, возвышенными годами, пятилеток и ударных строек, умноженными тяжелой войной. Тема патриотического долга была главной еще для одного героя, сыгранного мной.

Специально для нашего театра Краснознаменного Балтфлота А. Крон написал пьесу «Офицер флота», капитан-лейтенант Виктор Горбунов, уходя на боевое задание, показывает своей любимой женщине ленинградский памятник «Стережущему» и произносит слова, дорогие и понятные любому офицеру и солдату, защищавшему тогда родной город: «Этот памятник поставлен здесь для того, чтобы напомнить людям, что такое долг и честь».

Герои советской драмы — люди, творившие нашу удивительную действительность. Через меня прошли эти люди, через меня прошли герои советских пьес Огнев и Сафонов, Горбунов и многие другие. Они помогли мне позднее подойти к великому образу Ленина. Даже более того: чем лучше были люди, которых я должен был сыграть, тем больше ленинских черт я в них находил. Эти герои были для меня некими вехами на пути к человеку, который стал знаменем времени, но был подлинно человеческим и живым.

Когда я думаю, какие черты более всего мне хотелось бы воплотить в своих героях, то я вспоминаю не только типичные советские характеры, которые когда-либо играл или играю сейчас. Во время блокады наш театр ставил и рестоновского «Сирано де Бержерака». Конечно, голодным, усталым людям мы показывали эту пьесу с известными купюрами. Но Сирано оставался великодушным рыцарем, рыцарем справедливости и самоотверженной любви.

Даже эпизодическая роль — Леон Верт, которого я играю сейчас в пьесе Л. Малюгина «Жизнь Сент-Экзюпери», — дает мне возможность раскрыть наиболее

дорогие для меня черты. Он без всякой дидактики дает полезные советы Сент-Эксу, он целиком переключается на другого человека, на его нужды, и нет никакого сомнения, что он поступил бы точно так же, будь он на месте друга.

Мне уже много раз выпадало счастье исполнять роль В. И. Ленина. Первый раз в пьесе А. Каплера «Грозовой год», потом в фильме «В дни Октября» и снова в театре — в пьесах В. Михайлова «Суровое счастье», Н. Погодина «Цветы живые» и А. Штейна «Между ливнями». К празднику пятидесятилетия я снова подготавливал роль Владимира Ильича — в «Кремлевских курантах».

В прежних спектаклях Ленин появлялся на сцене лишь в отдельных эпизодах. В картинах, составляющих сюжет пьесы «Суровое счастье», Ленин непосредственного участия не принимает. Он произносит монолог в начальной сцене, и этот монолог как бы освещает все события и позволяет следить за ленинской мыслью по судьбам героев. Поэтому мне хотелось прежде всего передать заинтересованность Ленина в будущем людей и провести резкую грань между гуманизмом и глубокой демократичностью вождя и догматичностью секретаря укома Авдеевко, идеи которого существуют независимо от людей, как реестр безупречных истин, не нуждающихся в проверке временем.

Еще более короткой по тексту была роль Ленина в «Цветях живых», но она давала возможность раскрыть целеустремленность Ленина. И в пьесе «Между ливнями» внешняя изолированность Ленина от изображаемых событий создавала известные трудности в воплощении образа, но в то же время помогала мне вникнуть в мысль Ильича и постигнуть глубину ленинского понимания исторической правды. Ведь беседа Ленина с Позднышевым, прибывшим из мятежного Кронштадта, показывает, что Владимир Ильич сумел издалека точнее и глубже, чем его собеседник, свидетель событий, увидеть события в мятежном городе и правильнее оценить контрреволюцию, в русле которой попали и отчаявшиеся, запутавшиеся люди. Ленин отнюдь не именуется их врагами, он понимает, что это страшное несчастье — участвовать в событиях, смысл и значение которых человек не понял.

Хотя все эти спектакли — пройденный этап, но они помогли мне постепенно постигать Ленина, узнавать силу его огромнейшего человеческого обаяния.

Для меня Ленин — человек, в котором предельно сконцентрировано то, что я уже видел в людях во время блокады и после войны, вообще в наших людях: в их мироощущении, как бы ни было тяжело, нет непобедимого пессимизма. Вот, казалось бы, уж в такое положение попадает человек, что хоть ложись и помирай; до такого отчаяния доведен, что вроде бы готов уж закричать: «Будь что будет! Лишь бы скорее конец!» Готов закричать, но не кричит!

В Достоевском, которому весь мир казался мрачным и черным, вызывающим непреодолимую помрающую душу жалость, даже в нем, в Достоевском, я наблюдал эту прекрасную черту — возможность хоть в чем-то увидеть просвет, найти выход. А Пушкин? «Веселое имя», — говорил о нем Блок, но это светлое веселье, этот оптимизм пронес великий наш поэт через унижения, душевные муки и скорби.

Этот врожденный оптимизм проявился с огромной силой в России в годы гражданской войны и разрухи. Он укрепился в огне боя за Советскую власть и получил свое историческое оправдание.

В пьесе «Кремлевские куранты» носителем оптимизма, к тому же — революционного оптимизма, оказывается Ленин. Что отличает его от Забелина или английского писателя? Ведь они понимают и видят, как все плохо и страшно в нищей разрушенной России. Но Ленин видит еще беспощадней, подхватывает их реплики и сгущает краски. Россия «...черное без огней пространство, подобное огромной пустыне», — говорит он. И все-таки их отличает то, что они не верят в возможность возрождения, а Ленин верит — верит, что Советская Россия станет самой цивилизованной и самой прекрасной страной мира. Зародыш этой великой веры — в народе, с которым неразрывно связан Владимир Ильич. Он встретил на улице ночью рабочих, и эти простые люди рассказывают ему, как тяжело они работают. «...упадем, полежим, подыдемся и опять паяем» — это говорят простые трамвайщики, но светлая вера в будущее, поднимающая их, роднит Ленина с людьми. То, что представляется крайним пессимизмом безнадежным, для Ленина не безнадежно потому, что существует, уже завоевана Советская власть. Сами рабочие говорят о себе: «При какой другой власти

эти люди станут по всей ночи работать за несчастный ломоть хлеба? Ни при какой!»

В погодинских «Кремлевских курантах» прежде всего удается показать живую связь Ленина с народом, с радостными людьми. Когда вчитываешься в текст пьесы, то в ней находишь подтверждение слов Владимира Ильича: «...Социализм не создается по указам сверху... социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс».

От доверия к людям, от настоящего знания своего народа, добытого долгими годами труда и раздумий, и идет ленинский патриотизм. Ленин спрашивает матроса: «Любите русского человека, товарищ Рыбаков?» И на ответ Рыбакова — «конечно, люблю» — добавляет: «Полюбите с мое, тогда полюбите!»

«Кремлевские куранты», как никакая другая пьеса, в которой я играл Ленина раньше, дает возможность показать вождя пролетариев в гуще событий — щедрую его теплоту и не сентиментальную, но действенную заботу о людях. Хотя эта пьеса старая, но я думаю, что она лучше многих новых пьес о Ленине раскрывает этого удивительного человека с сегодняшних позиций, с высоты нашего сегодняшнего понимания тех далеких и близких лет, открывших новую страницу в истории человечества.

Большинство реплик Ленина в погодинской пьесе дано в форме вопроса. Эти вопросы Владимир Ильич обращает к самому себе, к людям образованным и интеллигентным, к рабочим, к егерю и его сыну. И не просто задает вопросы, но непременно выслушивает ответы на них, переключается целиком на собеседника. Это не такая уж обычная вещь, как может показаться с первого взгляда. И как часто мы становимся свидетелями или даже участниками разговора, когда каждый говорит о своем и оба не слышат друг друга. Стремление выяснить, уточнить, убедиться в правильности своих устремлений и взглядов мне кажется наиболее ценным в сегодняшнем понимании Ленина, и эту его особенность мне хотелось бы выдвинуть на первый план.

Грандиозность революции не только в том, чтобы сломать старое, но и в том, чтобы взять из прошлого все ценное, все полезное — необходимое Советскому государству. В этом тоже сегодняшнее прочтение пьесы. Поэтому Ленин не столько крушит и отсекает, сколько думает и сомневается. Этим же объясняется и другая особенность Ленина, ясно подсылаемая текстом и, как мне кажется, мало раскрытая до сих пор театрами. Я имею в виду подчеркивание Лениным своей приверженности «старомодным» взглядам, как он выражается в разговоре с пролет-культурцем Романом Чудновым или в разговоре с Рыбаковым о том, что

любить нужно «по-старому».

Можно ставить пьесу давнишнюю, и она будет звучать современно, можно поставить и новую, и она не тронет нашего зрителя.

Свидетельством духовной зрелости театра, его высокой культуры может стать только современный спектакль со сложными, глубокими мыслями и образами, спектакль, который поставит острые вопросы насущного дня.

Сегодня важно на первый план выдвинуть идею морального перевоспитания революцией. Ведь в Забелине рождается радость не оттого, что ему вернули работу и теперь он не умрет с голоду, — он и раньше, торгуя спичками, не умирал, — но оттого, что он отныне общен к большому, общему делу и что его России нужно это большое дело. Чтобы прийти к этому пониманию, нужно прикоснуться к ленинским идеям. Моральное перевоспитание не может произойти мгновенно, как бы заманчиво ни было показать его зрителям в одной какой-нибудь сцене, скажем, во время встречи Ленина с Забелиным в Кремле. В этой сцене можно показать столкновение двух сил в лице Ленина и «буржуазного спеца» Забелина и победу первой силы. Но можно и показать зарождение новых отношений людей, зарождение сомнений, и оно, это пробуждение мысли в людях, которым кажется, что все уже решено и больше думать не о чем, это пробуждение мысли идет от Ленина, каким мне хочется его играть.

Здесь, в «Кремлевских курантах», Ленину думающему, Ленину, идущему к людям и через людей к преобразованию мира, помогает весь интонационный строй пьесы. Хорошо, встретив «буржуазного спеца» Забелина, идти на острый конфликт и резко выкрикнуть: «Саботировать или работать?» Легко играть борьбу двух лагерей — кто кого, но, может быть, трудней и одновременно по-ленински правильной, искать выход в самом человеке. В ленинских репликах, в подтексте, должно звучать: «Не может быть, чтоб человек так опустился». Ленин стучится к другому, просит его, а не иронизирует. И сам нуждается в советах опытных инженеров, специалистов. И в диалоге с Забелиным Ленин не хватает за слово, не сразу отвечает и не сразу спрашивает. Даже такую, казалось бы, категорическую фразу: «Слушайте, это несчастье... за такие штуки надо расстреливать», — на первом плане должна бы прозвучать первая половина реплики — «Это несчастье» — и дать толчок второй половине, ибо это не угроза, а явное — «надо бы» — как жестокая необходимость.

Если мне удастся играть Ленина таким, каким я его вижу сегодня, я буду безмерно счастлив, потому что считаю своей обязанностью советского актера создать образ, истинно созвучный времени, активно участвующий в прекрасном деле коммунистического строительства, нужным людям сегодня.

ЛЕНИНГРАД